

тория всех прочих наук. 2) В области искусства. Тут мы различаем: а) историю литературы — поэзии и прозы; б) историю архитектуры, ваяния и живописи; в) историю музыки, мимики и орхестики, о которых, однако, за недостатком материалов, сказать можно не особенно много.

Литература. Первые попытки создать систему классической Ф. сделали Fr. A. Wolf («Darstellung der Altertumswissenschaft», 1807) и Ast («Gundriss der Philologie»); сочинения их совершенно схематичны. Гораздо выше стоит А. Böckh («Encyclopädie und Methodologie d. philologischen Wissenschaften», 2 изд. 1886), но ему повредило стремление отделить Ф. как «познание познанного» от истории. Сознание их материального совпадения мы находим у Вундта («Logik», т. 2-й, ч. 2-я, стр. 303–436, 2 изд. 1896), но перестроить все здание Ф. на этом новом основании он, не будучи специалистом, не мог; он опирается главным образом на Бёка. Краткое руководство Урлихса («Grundlegung u. Geschichte d. Klass. Altertumswissenschaft») дает чисто внешнее и произвольное деление Ф. на чистую, историческую и философско-эстетическую. Настоящая

статья, составляющая извлечение из университетского курса автора о филологической энциклопедии, является (насколько автору известно) первой попыткой построить систему Ф. (точнее — историко-филологической науки) на заимствованной у Вундта основной мысли, которую мы выше формулировали так: Ф. представляет из себя обращенную к памятникам сторону историко-филологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зелинский Ф. Ф. Филология // Энциклопедический словарь. Т. XXXV^a (70) / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1902. — С. 811–816.

O. Nikitin

PHILOLOGY: WHAT IS IT?

Abstract. The article discusses retrospective image of evolution and borders of the term “Philology” as it was presented in Russian academic school of XIX–XX centuries. The article by F. F. Zelinsky “Philology” is republished.

Key words: philology, history, the humanities, antic culture, personal activities, hermeneutics, classification of historic-philological sciences.

УДК 81'367:82-3

Папуша И.С.

ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА *

Аннотация. В статье рассматриваются такие особенности сложных синтаксических целых художественных текстов, как поле языкового напряжения и формирующие его гермы, через систему которых выражается интенция и целеустановка автора, микроидея и скрытые смыслы данной грамматической единицы.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, поле языкового напряжения, герм.

Сложное синтаксическое целое (ССЦ) — один из компонентов текста: специальным образом организованная, закрытая группа предложений, представляющая грамматическую единицу, которая наряду с предложением реализует собой единое высказыва-

ние (И.А. Фигуровский, Н.С. Поспелов, Л.А. Булаховский, В.А. Звегинцев, Р. Якобсон и др.). Реализуясь в тексте, сложное синтаксическое целое осуществляет многосторонность внутренних связей, диктующих обязательный порядок и форму своих компонентов, и продуцируется по грамматической модели, обеспечивающей взаимообусловленность плана содержания и плана выражения.

Анализ сложных синтаксических целых, функционирующих в художественных текстах, позволяет выявить на уровне больше предложения не только характеристику сложного синтаксического целого и его компонентов, но и принципы организации языковых единиц в рамках ССЦ, учитывая тот факт, что в лингвистическом плане художественные тексты характеризует свобода авторского самовыражения, широкое ис-

* © Папуша И.С.

пользование всех стилистических слоёв языка, употребление индивидуальных нестандартных сочетаний, авторская неповторимая манера письма. Выразительность создаётся сочетанием словесно выраженных значений и имплицитных вторичных смыслов, подтекстных явлений, знаки которых имеются и на эксплицитном уровне, но порой трудны для восприятия неподготовленных реципиентов. «Поэтические средства скрыты в морфологической и синтаксической структуре языка...» [1], а также – в фонетической, морфемной, словообразовательной и лексической структурах.

Внешним планом сложного синтаксического целого традиционно считается его композиция, то есть проявление структуры через категорию формы. Как правило, сложное синтаксическое целое имеет следующую композицию:

- зачин, содержащий начало мысли, формулирующий его тему;
- среднюю часть (медальную, развертку) – развитие темы, мысли;
- концовку – своеобразную композиционную (синтаксическую) точку, подводящую итог теме сложного синтаксического целого и подчёркивающую это не только в смысловом, но и в грамматическом отношении.

Внутренний план строения сложного синтаксического целого – грамматический план его строения. Это собственно синтаксический план, обнаруживающий внутреннюю организацию ССЦ и связанный со средствами соединения предложений в нем (Г.Я. Солганик, Н.Д. Зарубина, О.И. Москальская, Л.М. Лосева и др.). Мы полагаем, что в рамках сложного синтаксического целого внутренние связи соединяют и языковые единицы других уровней, что позволяет рассматривать сложное синтаксическое целое как единицу с интегрированными многоуровневыми языковыми связями.

Доминантой гибкой системы внутренних связей сложного синтаксического целого принято считать семантическое согласование в широком смысле слова: все компоненты сложного синтаксического целого связаны между собой и соотношены с содержанием текста (С.Г. Ильенко, М.Я. Дымарский, О.П. Воробьёва, Д.В. Марьян и др.). При этом именно семантическую связь позиционируют как фундамент сложного синтаксического целого – она определяет его единство и целостность, а все частные лексические, формально-грамматические и прочие проявления связности обусловлены общей семантической идеей. На

наш взгляд, выявление определённой роли каждого вида внутренней связи компонентов ССЦ и классификация внутренних связей сложного синтаксического целого должны опираться на его уровневое представление, потому что, паритетно участвуя в текстообразовании, все виды внутренних связей ССЦ позволяют говорить уже не только о языковых уровнях, но и об уровнях самого текста (семантическом, грамматическом, прагматическом) [2].

Лингвистический анализ структуры и композиции текста любого объёма имеет два пути. Первый – исследование языковых средств в их отношении к средствам высшего уровня с целью «показать особенности обозначения внеязыковой информации, речевую семантику рассматриваемого языкового средства, правильность и целесообразность его использования» [3]. Звуки, морфемы, слова рассматриваются не сами по себе, а во взаимодействии с теми языковыми средствами, которым они помогают выразить языковые и внеязыковые значения, соотносясь с ними и участвуя в выражении смысла. Второй путь – рассмотрение языковых средств в их отношении к связной речи, высказыванию и, главное, – к тексту: все языковые средства, используемые в нём, одновременно принадлежат языку, речи, тексту. Соотношение данных явлений «необходимо особенно в тех случаях, когда информационное значение языкового средства, его выразительность выявляются только на содержательном фоне связного текста» [3]. Второй путь более продуктивен для проведения лингвистического анализа языковых единиц, формирующих сложное синтаксическое целое, так как в его рамках языковые средства актуализируют своё значение за счёт своей грамматической формы и положения в ССЦ, и роль каждого из них в организации текста становится очевидной.

Сложное синтаксическое целое, являясь средством тематического развертывания текста, его тематической делимитации и интеграции, имеет прямое отношение к композиции, стилевому и художественному своеобразию произведения. Функциональную значимость каждой языковой единицы, входящей в сложное синтаксическое целое, можно выявить, исходя «из понятия сложного синтаксического целого как синтаксической единицы, служащей для выражения сложной законченной мысли, имеющей в составе окружающего её контекста относительную независимость, которой обычно лишено

отдельное предложение в контексте связной речи» [4].

Мотивационно-побуждающий уровень процесса продуцирования текста – сложнейший механизм речемыслительной деятельности, включающий как экстралингвистические, так и интралингвистические факторы. Но на этапе перехода от внутренней к внешней речемыслительной деятельности уже можно фиксировать структурные элементы целеустановки автора: системная природа языка в процессе текстообразования способствует выбору языковой единицы, и в каждом речевом акте этот выбор подчинён сохранению целостности триединства структуры, смысла и коммуникации. В каждом сложном синтаксическом целом по целеустановке автора моделируется определённый языковой материал, отражающий частный вариант концептуализации мира. Степень тождества универсальных и индивидуально-авторских знаний в тексте может быть различна: от полного совпадения до разительного несовпадения, полного расхождения.

Сложные синтаксические целые книжных стилей формируются на базе санкционированных языком матриц, и, следовательно, их структура позволяет идентифицировать текст любого книжного стиля. Так, например, научная коммуникация – это совокупность взаимосвязанных признаков коммуникативно-познавательной деятельности в единстве составляющих её онтологического и методологического (т. е. когниоцентрических) аспектов, а также рефлексивного и коммуникативно-прагматического (т. е. антропоцентрических) аспектов, оказывающих систематическое влияние на формирование научной речи, определяющих композиционно-смысловую и стилистико-речевую структуру текста [5]. Грамматическое единство художественного текста предполагает повышенную целостность [6], которая появляется за счёт того, что все языковые формы и категории в рамках сложного синтаксического целого образуют определённые комбинации, «информационно значимые множественные связи» [7]. Сложные синтаксические целые текстов художественной литературы строятся по сингулярным языковым матрицам, сохраняющим «в себе уникальные структурные характеристики и порождающие действительно нетривиальные смыслы» [8]. Лингвистический анализ сложного синтаксического целого художественного текста позволяет выявить те языковые единицы, которые в данном случае являются приоритет-

ными для автора, те языковые факты, которые активированы через их грамматическую форму и грамматические категории, через их особенное положение в конкретном сложном синтаксическом целом.

Сложное синтаксическое целое – структура, имеющая внутренние закономерности, которые проявлены не только через внешний и внутренний планы её строения, но и через выделенное нами специфическое для ССЦ явление – поле языкового напряжения. Оно возникает из взаимодействия языковых единиц, активированных на нескольких языковых уровнях, и имеет несколько зон: языковые единицы, активированные на двух и трёх языковых уровнях – периферия поля языкового напряжения в ССЦ художественного текста (в книжных функциональных стилях поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом имеет другую структуру); языковые единицы, активированные на четырёх языковых уровнях, – его окологермовая зона; языковые единицы, активированные на пяти уровнях, – его ядерная зона. Языковые единицы окологермовой и ядерной зон названы нами гермами (от греч. *herma* – межевой знак, указатель на дороге). Именно в поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом в гермах актуализируются смыслы, заложенные в определённых языковых категориях и грамматических формах, приобретающих большую значимость по сравнению с неактивированными языковыми единицами. Полагаем, что именно через герм как актуализацию в ССЦ грамматических и семантических признаков единиц языка автор реализует возможные семантические приращения, поэтому и в процессе распределения смыслов любого текста опираться только на смысловые доминанты недостаточно. Автор, отбирая языковой материал, не может не использовать единицы всех языковых уровней, но когда они комплектуются так, что их грамматические значения приобретают значимость в рамках данного сложного синтаксического целого, можно говорить о том, что в них заключён особый смысл, и о том, что поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом – явление грамматическое: смыслы выражены через языковые формы и категории единиц разных уровней.

Продemonстрируем поле языкового напряжения и значимость его гермов в сложном синтаксическом целом из текста М.М. Пришвина (римские цифры обозначают номер предикативной части по порядку, арабские цифры – номер предложения по порядку; Т –

тема сложного синтаксического целого, З – его зачин, К – его концовка, условные обозначения членов предложения – традиционные):

Прошло ещё две недели в ежедневных, глазу заметных переменах (I) (1). Поспел виноград (II) (2). На жёлтых пастбищах покраснелись блюдечками приплюснутые к земле умершие азалии (III), и всё пастбище стало как будто после боёв с пролитой кровью оленей (IV) (3). Тогда опять ночью в таинственной тишине, там (V), где чёрный хребет пересекается хвостом Большой Медведицы (VI), заревел первый олень (V), и ему, как эхо, ответил другой (VII), этому эху – ещё более отдалённое эхо (VIII) (4).

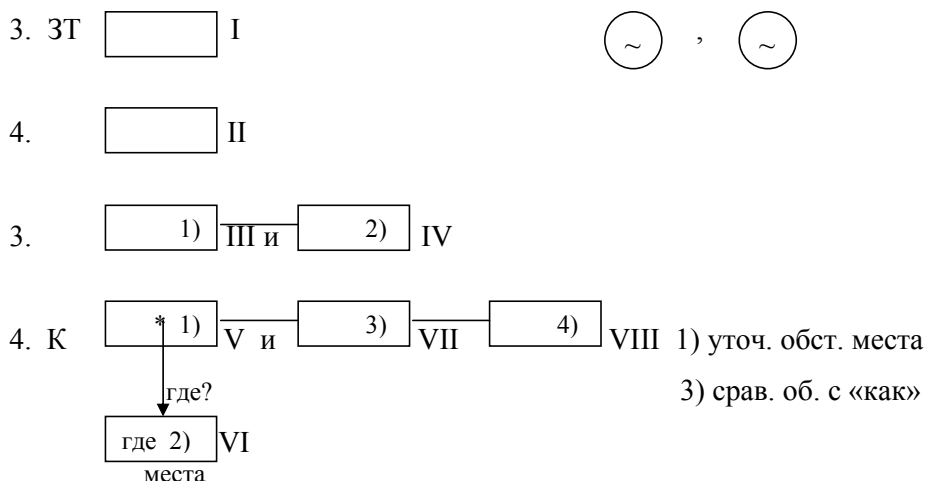
Зачин данного сложного синтаксического целого – простое предложение, осложнённое однородными определениями, связанными интонацией перечисления. Тему ССЦ можно определить по подлежащему первого предложения – *две недели*. В этом же предложении находится первая особая единица поля языкового напряжения в ССЦ – герм – *в ежедневных, глазу заметных переменах* (выделено на пяти языковых уровнях), определяющий целеустановку автора – рассказать о переменах.

Медиальная часть содержит два предложения, которые сообщают о переменах, произошедших в течение двух недель. Второе предложение – простое, нераспространённое, неосложнённое. Третье предложение – сложносочинённое, замкнутой структуры; средство связи – соединительный союз *и*. Три синтагмы второго и третьего предложений без осложнений. Гермы медиальной части: *на жёлтых пастбищах* (выделено на четырёх языковых уровнях), *покраснелись блюдечками* (выделено на пяти языковых уровнях),

приплюснутые к земле (выделено на пяти языковых уровнях). Через поле языкового напряжения в медиальной части автор акцентирует цветовую гамму происходящих перемен и формой страдательного залога вносит в восприятие реципиента чувство тревоги. Медиальная часть намечает микроидею: передать контраст в состоянии природы и человека.

Концовка данного сложного синтаксического целого определена структурой четвёртого предложения: сложная синтаксическая конструкция с подчинительной, сочинительной и бессоюзной связями. Сам факт использования этой структуры свидетельствует о свёртывании высказывания: зачин – простое предложение, концовка – сложная синтаксическая конструкция. Первая и вторая предикативные части этого предложения (пятая и шестая синтагмы) образуют структуру подчинения с придаточным места. Придаточное предложение – одно на данное ССЦ, и поэтому полностью является гермом: оно расширяет место событий, охватывающих не только конкретное место на Земле, но и на небе, – события приобретают масштабность, космичность. Первая и третья предикативные части связаны сочинительной связью при помощи соединительного союза *и* – параллелизм относительно структуры третьего предложения – один из видов внутренних связей в ССЦ. Третья и четвёртая предикативные части связаны бессоюзной связью открытой структуры с отношениями перечисления. Но четвёртая предикативная часть – неполное предложение, и это сигнал концовки как данного предложения, так и ССЦ в целом. Гермы концовки: *в таинственной тишине* (выделено на четырёх языковых уровнях), *чёрный хребет пересекается хвостом Боль-*

Тема ССЦ – «Две недели». Структурная схема ССЦ:

шой *Медведицы* (выделено на пяти языковых уровнях), *ещё более отдалённое эхо* (выделено на пяти языковых уровнях). Гермы концовки завершают формирование микроидеи: конкретные события на Земле охватывают большое пространство Земли/ Космоса, и это таинство, тревожащее человека. Концовка позволяет сопоставить целеустановку автора и его интенцию, то есть тему ССЦ и его микроидею. В данном сложном синтаксическом целом они не совпадают: по теме автор описывает перемены, произошедшие в природе в течение двух недель, и событие по окончании перемен; микроидея ССЦ – описание состояния человека, находящегося в русле перемен в природе, которые таинственным образом пересекаются с большим миром.

В данном сложном синтаксическом целом можно усомниться в концовке: обычно обстоятельство времени – один из показателей зачина сложного синтаксического целого, а четвёртое предложение – начинается с обстоятельства времени. Но один из вариантов свёртывания информации позволяет сопоставить зачин и концовку сложного синтаксического целого: *прошло ещё две недели – тогда заревел первый олень* – искажения фактической информации нет, следовательно, четвёртое предложение входит в данное сложное синтаксическое целое. Кроме того на всех языковых уровнях есть связующие сигналы последнего предложения ССЦ с предыдущими: на фонетическом уровне – звуковое сочетание заднеязычного со звуком [р] (*виноград, покраснелись, кровью – хребет*) и шипящего с ударным [о] (*жёлтых – чёрный*); на морфемном уровне – повтор приставок (*покраснелись – заревел* и *перемены – пере-seкается*); на лексическом уровне – слова, содержащие сему «цвет» (*жёлтых – чёрный*) и т.д. Параллелизм синтаксических структур нами уже был отмечен. Таким образом, в плане содержания четвёртое предложение можно было бы считать автосемантическим, но внутренние скрепы разных языковых уровней и гермы, формирующие микроидею, то есть формальные показатели, подтверждают синсемантическую последнюю часть предложения и его роль в качестве концовки ССЦ.

Надо отметить тот факт, что внутренняя и внешняя структуры сложного синтаксического целого тесно переплетены, поэтому все виды целостности, формирующие данную текстовую единицу, определяют его композицию, которая, в свою очередь, способствует реализации семантической, структурной и коммуникативной целостности. Планы

содержания и выражения в сложном синтаксическом целом художественного текста тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены и являются предпосылкой возникновения его специфической структурно-семантической особенности – поля языкового напряжения.

Таким образом, все языковые единицы в сложном синтаксическом целом отличаются «глубиной и многосторонностью отношений». В них совмещаются многочисленные вещественные значения и многочисленные грамматические значения, невозможные в пределах одного предложения и чрезвычайно осложнённые тем, что в соединениях законченных предложений выражаются ещё отношения законченных мыслей, сообщённых в отдельных предложениях» [9]. Наиболее ярко данное свойство проявляется в сложных синтаксических целых текстах художественной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Якобсон Р. Избранные работы. – М., 1985. – С. 123.
2. Разина И.Г. Механизмы деривационного порождения текста: семантика – синтактика – прагматика / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – С. 8.
3. Марков В.Т. К вопросу о выделении текста как единицы языка и речи // Культура речевого общения в современных условиях. – М., 2002. – С. 58.
4. Поспелов Н.С. О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М., 1969. – С. 51.
5. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь, 2001. – С. 58.
6. Сидорова М.Ю. Грамматическое единство художественного текста // Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – С. 24.
7. Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 98.
8. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – М., 2007. – С. 26.
9. Фигуровский И.А. Избранные труды. – Елец, 2004. – С. 113.

I. Papusha PECULIARITIES OF THE COMPLEX SYNTACTIC WHOLE

Abstract. in the history whole such features of complex syntactic whole art texts, as a field of a language pressure and forming it germs, through which system it is expressed intention and aimassembling of the author, microidea and the latent senses of given grammatic unit are considered in the article.

Key words: complex syntactic whole, field of a language pressure, germ.